

ЭКСПЕРТНЫЕ РАЗРАБОТКИ И МНЕНИЯ

УДК 323(571.6)

Ю. Н. Гладкий¹
Yu. Gladkii

«ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГЕКТАР»: БЛАГАЯ ИДЕЯ ПРИ ЗАВЫШЕННЫХ ОЖИДАНИЯХ

THE FAR EASTERN HECTAR: A GOOD IDEA WITH HIGHER EXPECTATIONS

Привлечено внимание к развернувшейся дискуссии в стране о роли закона о «дальневосточном гектаре» в реализации дальневосточной стратегии правительства. Отмечена неправомерность завышенных ожиданий, поскольку главными драйверами успешной реализации дальневосточной стратегии является индустриальное и транспортное освоение юга Дальневосточного федерального округа. Именно оно придаст дополнительный геополитический и геоэкономический вес российскому Дальнему Востоку и реально обеспечит снижение оттока населения и привлечение новых переселенцев. «Дальневосточный» гектар – лишь один, далеко не главный рычаг в этом процессе.

Attention is drawing to the ensuing discussion in the country about the role of the law on “Far Easthectare” in the implementation of the far Eastern strategy of the government. Notes the illegality of inflated expectations, as the main drivers of successful implementation of far Eastern strategy is industry-or and transport development in the South of the far Eastern Federal district. It will give an additional geopolitical and geo-economic weight of the Russian Far East and actually reduce the outflow of population and attracting new settlers. “Far East” hectare – just one, not the main lever in this process.

Ключевые слова: освоение Сибири, плотность населения, Закон о дальневосточном гектаре, опыт гомстедов, Столыпинская реформа, фермерство, географические факторы.

Key words: development of Siberia, population density, Act on Far East hectare, the experience of homestead, the Stolypin reforms, farming, geographical factors.

Вековая «притча во языцех» о слабой освоенности Сибири появилась одновременно с началом стремительного расширения российских границ в XVII в. И хотя первые города (Тюмень, Тобольск, Тара, Сургут, Нарым, Верхотурск и др.) в Западной Сибири были основаны еще ранее, реальное движе-

¹ Гладкий Юрий Никифорович, доктор географических наук, профессор, член-корр. РАО, заведующий кафедрой экономической географии РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

ние к «ледяным изотермам» Восточной Сибири («крестному пути на Голгофу Зимы», по образному выражению С. Рогачева) – началось позже, когда были основаны Томск (1604 г.), Красноярск (1628), Братский острог (1630), Якутск (1632), Вилюйск (1634), Иркутск (1652), Охотск и Анадырский острог (1649), а также другие русские поселения. В специальной литературе весьма обстоятельно и убедительно изложены все основные этапы истории освоения Сибири, начиная с освоения земель, расположенных в среднем и нижнем течении реки Обь и кончая освоением Камчатки, Курильских островов и Аляски.

Согласно подсчетам известного исследователя сибирского края П. А. Словцова, в середине XVII в. его население не превышало 350 тыс. человек, причем русские составляли менее 30 %, а к исходу того же века русские жители насчитывали уже около 200 тыс. человек [1]. Со временем поток переселенцев стал увеличиваться; до 1880-х годов их число не превышало 2 тыс. чел. ежегодно, а благодаря строительству Сибирской железной дороги лишь за два с половиной года (с 1907 по июль 1909 г.) «в Сибирь прошло 2 миллиона переселенцев» – отмечает известный русский историк П. О. Ключевский [2, с. 19].

В начале XXI века население Сибири исчисляется примерно 24 миллионами человек, из которых в Восточной Сибири проживает все еще менее 9 млн. (при плотности – менее 1 чел. на км²), абсолютное большинство которых сконцентрировано в южной части необъятного края. К этому добавим: население самого Дальневосточного федерального округа (ДФО) за четверть века сократилось с 8 млн. до 6,2 млн. человек (1,6 млн. потеряно за счёт миграции, остальное – естественная убыль населения). В региональном разрезе Чукотка «убыла» в 3 раза, Магаданская область – в 2,5 раза, Камчатка и Сахалинская область – в 1,5 раза. Тревогу вызывает тот факт, что больше чем на трети территории России проживает лишь 4% ее населения, и эта цифра продолжает сокращаться. Совершенно очевидно, что обрести реальный, а не номинальный статус тихоокеанской державы России при подобной плотности населения будет трудно.

Нынешний этнический состав населения Восточной Сибири – результат многовекового смешения коренного тюркско-монгольского и русского (славянского) населения, «разбавленного» малочисленными народами Сибири, в том числе веками проживающих в таежных районах и на Крайнем Севере.

Закон о дальневосточном гектаре. Используя не только в публицистической, но и научной литературе выражение «освоение Сибири», большинство авторов давно свыклись с его фигуральностью, очевидным метафоричным смыслом. Заметим: речь идет не о том, чтобы эффективно *«использовать природные ресурсы края»* – авторы призывают именно *«освоить»* край! Между тем, освоить – значит «обустроить» необъятную Сибирь, создать новые населенные пункты, использовать в экономических целях ранее не эксплуатировавшиеся площади с параллельным строительством разветвленной дорожной сети т.д.

Но, возможно ли это вообще в обозримом будущем, и, главное, чем диктуется необходимость такого «освоения»? Игнорирование в советском прошлом вопроса о «стоимости холода» (включая многолетнюю мерзлоту), продиктованное стремлением к *«равномерному размещению производительных сил по территории страны»*, в условиях рынка представляется нынешним бизнесменам достаточно абсурдной идеей. Они больше не склонны вкладывать идеологическое содержание в понятия «экономическая эффективность», «стоимость», «рентабельность экономики» и вряд ли согласятся с тем, чтобы львиная часть прибыли «сгорала в костре» холодных зим.

Однако, здесь напрашиваются два принципиальных пояснения.

Первое. Социалистическая индустриализация, воспринимаемая на западе представителями англо-саксонской модели рыночной экономики (создававшейся в «тепличных условиях» геополитической неуязвимости) как своего рода «патология», проводилась в жестких условиях *военного времени* и периоды *«передышек»*, и она оставалась рациональной и успешной экономикой [3, с. 63]. Инстинкт самосохранения и острая нужда заставляли государство подчас мириться с колоссальными издержками, наносимыми «запредельным» расходом энергии на обогрев производственных и коммунально-бытовых помещений, перерасходом применяемых конструкционных материалов, дополнительными затратами на строительство и дорогостоящий ремонт дорог, ежегодно выходящих из строя вследствие разрушительного воздействия замерзающих и оттаивающих грунтовых вод и т.д.

Второе. В то же время «доверяться» сегодня рыночным механизмам при попытках выстроить оптимальные варианты территориальных и региональных пропорций в российской экономике, значит способствовать сращиванию финансового могущества и политической власти в рамках олигархических (часто транснациональных, «экстерриториальных») кланов, мало пекущихся об интересах государственной безопасности страны и реализации ее геостратегических проектов. Интенсивное освоение территории Южной Сибири, прилегающей к Транссибу, является для страны *императивным проектом*, поскольку этот «геополитический коридор» не только скрепляет неравновесные части РФ, но и решает важные геостратегические задачи. Что же касается Приморья, то его ускоренное развитие еще более очевидно, и не только ради усиления его геополитической роли, но и с учетом «безубыточности» самого проекта, а также достаточно высокой комфортности среды обитания. Напомним: при плотности населения в ДФО 1 чел./км², в провинциях китайского северо-востока (Хейлунцзян, Цилинь и Ляонин) в приграничных провинциях КНР плотность населения примерно в 130–140 раз больше.

Отчасти этим было обусловлено принятие федерального закона Российской Федерации *«Закон о дальневосточном гектаре»* (вступил в действие с 01.06.2016), согласно которому каждый житель РФ получил право безвозмездно получить землю на Дальнем Востоке сроком на 5 лет, по истечению которых при

условии освоения земли гражданин имеет право оформить участок в аренду или получить его в собственность [4]. Право выбрать земельный участок в pilotном муниципальном образовании своего субъекта ДВФО вначале предоставлялось лишь жителям Дальнего Востока, но позже оно было дано всем гражданам страны, независимо от прописки.

Конкретные цели, преследуемые упомянутым законом, хорошо известны. Они неоднократно формулировались и ранее представителями научного и экспертного сообществ, излагавшими свои оценки геополитического, демографического, экономического и социального эффекта от реализации подобных мер. Главная среди них – не только *стабилизация, но ускоренный рост демографического потенциала* Дальнего Востока, реальное содействие государства сбалансированному демографическому развитию и закреплению российского населения на Востоке России.

Авторы подчеркивали также тот факт, что продолжающееся отставание малонаселенного региона грозит усилением экономического и политического давления на РФ с трудно предсказуемыми последствиями. Поэтому параллельно с решением демографической проблемы поставлена цель ускорить экономическое развитие территории с повышением ее пространственной эффективности. Еще до принятия закона правительством страны были предприняты некоторые меры (разработаны соответствующие стратегии и программы, созданы надсубъектные институциональные органы в виде аппаратов зампреда Правительства РФ и Минвостокразвития и т.д.), призванные содействовать экономическому развитию края.

Кстати, специалисты Минвостокразвития исходят из того, что переселенцы – те, кто решит обрести на Дальнем Востоке вторую родину, могут заняться агробизнесом и переработкой сельскохозяйственных продуктов, лесным хозяйством, рыболовством, малоэтажным жилищным строительством, ремеслом и т.д. Что касается конкретных мер государственной поддержки, то субъектам малого и среднего предпринимательства предполагается, в частности, облегчить доступ к получению льготных кредитов (с возможностью компенсации части затрат, связанных с уплатой процентов по кредитам), начинающим фермерам гарантируются гранты до 1,5 млн. рублей, а представителям семейных животноводческих ферм – до 21,6 млн. рублей [5, 6]. Переселенцам, решившим связать свою судьбу с дальневосточным краем и поселившимся в районах Приморья, приравненных к районам Крайнего Севера (Кавалеровский, Дальнегорский, Тернейский и Ольгинский районы; поселок Восток Красноармейского района и отдельные сельсоветы Красноармейского района), государство обещает надбавку к зарплате и увеличенную пенсию.

Опыт гомстедов и столыпинской реформы: на параллелях истории. Концептуально закон о гектаре вполне вписывается в череду широко известных актов, принимавшихся различными странами для регулирования земельных, лесных и других отношений с целью заселения и освоения свободных

земель. Но проведение с этими актами прямых аналогий с «законом о дальневосточном гектаре» – вряд ли содержит в себе конструктивное начало с учетом особенностей нынешней эпохи, российской «демографической ямы», климатических реалий, геополитической специфики региона и т.д. Особенно преждевременно участившееся его сравнение с раздачей по существу бесплатных земельных наделов в США в XIX столетии – сходство можно обнаружить разве что в самом замысле и, частично, в механизмах государственной поддержки.

Напомним: федеральный закон о гомстедах («*Homestead-Act*»), принятый в 1862 г. в ходе Гражданской войны в США, стал торжеством республиканской партии А. Линкольна, результатом многолетней борьбы, увенчавшейся передачей колонистам фермерских участков-усадеб по трудовой норме (гомстедов) из фонда общественных земель, имевшихся на западе страны. Согласно закону, любой гражданин США старше 21 года (не участвовавший в войне против Севера!) получал возможность приобрести земельный надел площадью не более 65 га, обрабатывать его и возводить соответствующие строения. Регистрационный сбор был установлен в размере 10 долларов, после чего по истечению 5 лет участок переходил в полную собственность (хотя он мог быть выкуплен и ранее из расчета 1,25 долл. за акр).

Любителям проводить аналогии следует учитывать следующие факты. *Во-первых*, на «диком» американском Западе пустовали обширные плодородные равнины, в том числе те, которые были способны давать два урожая в год; *во-вторых*, в молодом государстве многие вчерашние переселенцы (и их дети) были весьма заинтересованы в устройстве своей судьбы в регионах, отличавшихся безопасностью, стабильностью и вполне щадящим климатом; *в-третьих*, страна была охвачена гражданской войной и налаживание агробизнеса на новых территориях (производство пшеницы, табака, шерсти и т.д.) сулило колонистам гарантированные доходы; *в-четвертых*, история свидетельствует о том, что запрос фермеров, городской бедноты и представителей бизнеса быстро превысил возможности приобретения земли через установленный порядок; и, наконец, *в-пятых*, Линкольн отдавал себе ясный отчет в том, что рано или поздно на пустовавшие земли найдется хозяин из числа европейских конкурентов (включая Россию).

Ясно, что условия реализации нашего закона о «дальневосточном гектаре» разительно отличаются от изложенных выше. Так, может быть, более востребованным современной России при освоении дальневосточного региона окажется опыт столыпинской аграрной реформы?

Известно, что политика П. А. Столыпина по практической реализации «сибирской колонизации» преследовала несколько целей и носила «комплексный» характер. В контексте проблемы, связанной с правительственной инициативой «дальневосточного гектара», заметим: суть столыпинской аграрной реформы ассоциировалась, прежде всего, с жестким закреплением собственности крестьян на землю и заменой коллективной и ограниченной собственности на

землю крестьянских общин – *частной собственностью* отдельных крестьян-домохозяев. Говоря современным языком, реформатор пытался предуготовить условия для формирования в России прогрессивного «фермерского уклада».

Каждый переселенец имел возможность получить в свое распоряжение до 100 десятин земли (десятина превышает площадь гектара!), но после 1901 года расчет был скорректирован – по 15 десятин на одного мужчину. Элементы государственной поддержки предусматривали также 150 рублей подъемных на семью (стоимость коровы составляла 3 рубля), льготный проезд по железной дороге и льготное кредитование и т.д. [7].

Увы, кипучая деятельность Петра Аркадьевича, по разным причинам, не принесла ожидаемого результата, чему подтверждением служит, в частности, ценная мысль Д. Лекуха: «...с 1905 по 1914 год около 3,5 млн. человек уехали осваивать новые территории. Но при этом, несмотря на то, что им полагалась не только «свободная земля», но и стартовый капитал и даже клалось специальное «жалованье», около 16% населения не прижилось в Сибири и вернулось обратно в европейскую часть России. При этом возвращались они нищими, разорившимися и это изрядно увеличивало и без того немалую напряжённость в тогдашней Российской империи. И это не считая того, что приличная часть «переселенцев» просто не осела на земле, а ушла в города, в золотодобычу, в добычу пушнины, на работы по активно ведущемуся именно в те же годы строительству и обслуживанию сибирских и транссибирских железных дорог» [7].

А ведь условия государственной поддержки крестьянам тогда была более ощутимой, чем при реализации нынешнего проекта «дальневосточный гектар», хотя бы потому, что выдаваемых подъемных (эквивалент стоимости 50 коров!) тогда вполне хватало на постройку дома и обзаведение хозяйством.

О природе завышенных ожиданий от «дальневосточного гектара». С самого начала осуществления грандиозного общенационального проекта – бесплатного выделения одного гектара земли в ДФО, он подвергся суровой, подчас недостаточно аргументированной критике. Волна острого недовольства законом проявилась, в частности, в Саха Якутии, где была даже предпринята попытка провести референдум для отмены действия закона на территории Республики [5,8]. «Эти разговоры про гектар – просто издевательство», – полагает председатель Наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Ю. Крупнов, сравнивая земельный надел с бесполезным в хозяйстве колесом от автомобиля Ferrari [8]. Свою лепту в «копилку скепсиса» вносит и один из руководителей Института Дальнего Востока РАН А.Островский: «Если говорить о выдаче земли на Дальнем Востоке, то это не благо. Даже если там бесплатно выдали землю, то на нее надо огромные деньги затратить, чтобы на ней что-то выросло... Без инфраструктуры кому нужна земля?» [5]. «Идея-пустоцвет», «идея-фикс» (фр. *idee fixe* – навязчивая идея), и т.д. – такие метафоры нередко (открыто или латентно) вкладываются авторами в содержание критических оценок закона.

В этой связи, очень взвешенной представляется точка зрения главы российского государства В.В.Путина: «Сама по себе идея правильная и уже в истории России была реализована в Сибири. Современные условия ведения хозяйства, современная экономика немножко другие, поэтому нужно внимательно ... продумать все детали. Можно посмотреть, где эти земли, какого они качества, достаточно ли одного гектара на Дальнем Востоке и какие должны быть условия, связанные с необходимостью использования» [9]. Именно учет всех «деталей» и условий претворения в жизнь этого общенационального проекта способен не только «спасти» его от острой критики, но и помочь достичь реального эффекта, тем более что развитие Сибири и Дальнего Востока еще в 2013 г. обозначено главой государства в качестве национального приоритета на весь XXI век. Позже в пределах ДФО было создано 12 территорий опережающего развития (с объемом привлеченных средств на конец 2016 г. более 15 млрд. долл.); учрежден российско-китайский фонд в сфере аграрного бизнеса; получил статус свободного порта Владивосток, давший стимул для создания различных логистических проектов; планируется предоставить режим «порто-франко» другим ключевым гаваням Приморья и т.д. Но все эти факты не изменили скептического настроения критиков «дальневосточного гектара».

Так, вышеупомянутому Ю. В. Крупнову принадлежит следующая яркая фраза «на Дальнем Востоке нужно давать работу, а не «гектар» [8]. Несмотря на ее безапелляционность, в ней, в сущности, правильно схвачена мысль о том, что заманить людей на Дальний Восток одной лишь землей весьма проблематично – необходимо параллельно создавать социальную и производственную инфраструктуру. Вспомним, что на «диком» Западе в США на новых территориях в свое время одновременно прокладывались шоссейные и железные дороги, возникали города, строились объекты социальной инфраструктуры, создавались новые рабочие места. Крупнов считает, что вопреки позиции главы государства, на Дальнем Востоке пока что мало делается для этого: «Никто не создает достойную занятость на Дальнем Востоке, то есть не реализуют главную функцию и назначение государства. Вот трагедия, которую мы наблюдаем, – трагедия неадекватности управления, трагедия непонимания вообще базовых вопросов жизни человека» [там же].

Можно понять критика, ностальгирующего по положительному советскому опыту освоения новых территорий, когда «секретари райкомов отчитывались, что они ввели еще одну школу, еще одну больницу, еще один фельдшерский пункт, еще один завод. А сейчас отчитываются пиаром и тем, что закрыли – «оптимизировали» – еще одну больницу, закрыли еще один фельдшерский пункт. Это управленческий дефолт» [8]. Но, вряд ли можно согласиться с ним об отсутствии «позитивных содержательных действий правительства» в отношении реализации проекта «дальневосточный гектар», параллельно приведя примеры вопиющих экономических и социальных издержек предшествующего освоения новых территорий.

Конечно, не следует упускать из виду и тот факт, что в «стольпинскую» эпоху основу переселенческой волны в Сибирь и на Дальний Восток составляли малоземельные крестьяне из Малороссии, обходившиеся до переезда на новое место жительства, главным образом, коровой, лошадьё и плугом, олицетворявшими натуральное хозяйство. Современные переселенцы (в том числе украинцы) – это преимущественно «обитатели многоэтажек», т.е. рабочие, плохо владеющие навыками сельскохозяйственного труда, но стремящиеся немедленно приобрести трактор, автомобиль, семена и т.д. Речь идет о многомиллионных затратах, осуществление которых им обычно не под силу.

Завышенность ожиданий от реализации проекта «дальневосточный гектар» нами связывается не столько с экономическими, социальными или политическими причинами, сколько с сугубо *географическими*. О суровости природы Сибири, как самой обширной на Земле приполярной территории, и порождаемые этим «напасти» – писали многие авторы и, прежде всего, географы, включая автора [10, 11, 12, 13, 14 и др.]. Конечно, Приморье и соседние территории – это не приполярье, однако ярко выраженную континентальность климата и зону «рискованного земледелия» никто не «отменял» (по этой причине часто проводящиеся аналогии с аграрным освоением американского «дикого» Запада страдают не только некорректностью, но и географической неграмотностью).

Положение осложняется еще и тем, что, с одной стороны, практикуемая в странах Запада традиционная форма *фермерства*, в климатических условиях Дальнего Востока вряд ли может получить широкое распространение. Ряд экспертов справедливо полагают, что большей эффективностью здесь могли бы обладать крупные хозяйства кооперативного типа, что некоторым образом противоречит пропагандируемой идее «одна семья – один гектар». Поэтому региональным властям следовало бы более тщательно изучить возможности развития как классического «фермерства», так и вертикально-интегрированных агропромышленных комплексов (с учетом уроков стольпинской колонизации Сибири).

С другой стороны, подобные агрокомплексы, особенно нацеленные на сбыт продукции в странах АТР, неизбежно столкнутся с трудно решаемой проблемой низкой эффективности производства товарных культур – прежде всего соевых бобов и твердых сортов пшеницы. При этом, низкая по мировым меркам эффективность обусловлена не только неприемлемой урожайностью (пшеницы – всего 15–18 ц/га), но и широким культивированием в АТР генномодифицированных сортов пшеницы и сои. В этих условиях, себестоимость культивируемых на Дальнем Востоке пшеницы и сои будет оставаться выше зарубежных культур.

Взвешивая все аргументы «за» и «против» «дальневосточного гектара», можно прийти к выводу о том, что это – благая идея (хотя и превращаемая отдельными чиновниками в пиар-акцию). Даже самые «неисправимые» пессими-

сты реализации этой инициативы не могут не признать, что дальневосточный вектор развития нашей страны успешно реализуется на практике. Гигантские изменения связываются с десятками промышленных предприятий, новыми портами, космодромом, «автотранссибом», программой «БАМ-2» и т.д. «Дальневосточный гектар» – лишь один из элементов дальневосточной стратегии, способный принести синергетический эффект.

А в качестве главных драйверов успешной реализации дальневосточной стратегии России, безусловно, выступают индустриальные стройки на юге ДФО, сооружение крупных объектов производственной инфраструктуры, организация скоростного и разветвленного железнодорожного сообщения, расширение режима «порто-франко» на все ключевые гавани, интенсивное жилищное строительство, рекреационное освоения края и т.д. Именно такого рода деятельность придаст дополнительный геополитический и геоэкономический вес российскому Дальнему Востоку и реально обеспечит снижение оттока населения и привлечение новых переселенцев.

Литература

1. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Том I (1585-1742). СПб, 1886. 330 с.
2. Ключевский П. О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. С. 19.
3. Дерлугьян М. Трагедия, происходящая от успеха // Эксперт. 2004. № 10. С. 62–64.
4. Федеральный закон от 1 мая 2016 г. №119-ФЗ // Российская газета, 6 мая 2016.
5. Все самое важное о «дальневосточном гектаре». - Электронный ресурс. Режим доступа: <http://vlad.mk.ru/articles/2017/02/01>.
6. Киселев Д. Дальневосточные гектары привлекли создателей экопоселений. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2851351&cid=6> 05.02.2017.
7. Лекух Д. «Дальневосточный гектар» при Столыпине и сегодня // Русский век. Портал для российских соотечественников. - Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=10600> от 10.02.2017.
8. Крупнов Ю. На Дальнем Востоке нужно давать работу, а не гектар. - Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/111412> от 18.02.20.
9. Рабочая встреча с вице-премьером, полпредом Президента в ДФО Юрием Трутневым. Электронный ресурс. Официальный сайт Кремля. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47487>.
10. Гладкий Ю. Н. «Антилиберальная природа против либеральной экономики // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 2. С. 201–207.
11. Гладкий Ю. Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб, изд-во «Юридический Центр Пресс», 2006. 844 с.
12. Кокшаров А. Цена холода // Эксперт. 15–21 марта 2004 г. № 10. 46–48.
13. Hill F, Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia in the Cold)Brookings Institution Press, Washington D.C. 2003. 304 p.
14. Lynch, A. Roots of Russia's Economic Dilemmas: Liberal Economics and Illiberal Geography// Europe-Asia Studies, Vol.54, № 1, 2002. P. 31–49.